

Грушевой Александр Гаврилович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт восточных рукописей РАН

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
E-mail: agrush@yandex.ru

Эволюция представлений о содержании православного образования на Ближнем Востоке от А.Н. Муравьева и К.М. Базили до второй Программы семинарий Палестинского общества (1839–1914 гг.)

DOI: 10.24411/2587-9316-2021-10012

Вся образовательная деятельность Палестинского общества на Ближнем Востоке была немислима вне православия. Однако идеальные, теоретические представления о том, как следует организовывать обучение арабов-христиан и представления местного населения о нуждах образования своих детей не совпали между собой. Местное население хотело видеть в программах школ обучение практически полезным в повседневной жизни знаниям, тогда как российская сторона стремилась, прежде всего, развивать духовное образование, стремясь (во всяком случае в идеале) оставить светское образование для тех, кто не хотел становиться священнослужителем. Российским представителям пришлось идти на компромисс. В учительских семинариях, находившихся в Назарете и Бейт-Джале, планировалось увеличение часов на преподавание основ православной веры — катехизиса. Количество часов на светские науки в программах семинарий уменьшено не было.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабы-христиане, православие, Российская империя, Императорское православное палестинское общество, русские школы.

...

Для цитирования: Грушевой А.Г. Эволюция представлений о содержании православного образования на Ближнем Востоке от А.Н. Муравьева и К.М. Базили до второй Программы семинарий Палестинского общества (1839–1914 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 2. С. 123–144.

Alexandr G. Grouchevoy

Senior researcher of the Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences

Address: Dvortsovaya ebm., 18, Saint Petersburg, Russia, 191186.

E-mail: agrush@yandex.ru

The Evolution of ideas about the content of Orthodox education in the Near East from A.N. Muraviev and K.M. Bazili to the Second Program of the Seminaries of Russian Orthodox Society for Palestine Studies (1839–1914)

DOI: 10.24411/2587-9316-2021-10012

All education activities of Russian Society for Palestine Studies in the Near East were closely linked the Orthodoxy. But the ideal and theoretic points of view how to organize the education of Arab-Christians and the preferences of local Christian population about this topic did not coincide. Russian inspectors planned to make the education mostly clerical, but the local Christian Arab population expected from Russian representatives the introduction of secular education useful in everyday life. At the end Russian inspectors agree to make a compromise resolution of the problem. In the plans of a new school program there was an extension of school hours for the teaching of catechism as a base of knowledge of the Orthodox Faith. In the same time there was no change in the teaching of secular teaching.

Keywords: Near East, Arabs-Christians, Orthodoxy, The Russian Empire, Imperial Orthodox Palestinian Society.

...

For citation: Grouchevoy A.G. The Evolution of ideas about the content of Orthodox education in the Near East from A.N. Muraviev and K.M. Bazili to the Second Program of the Seminaries of Russian Orthodox Society for Palestine Studies (1839–1914). *Christianity in the Middle East*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 123–144.

1.

Данная статья является логическим продолжением работы о планах развития образования в русских школах [Грушевой, 2020b]. В публикации 2020 г. была дана общая характеристика планов православного образования в школах Палестинского общества и их развития. В данном случае в центре внимания находятся конкретные действия и планы по внедрению православного образования в школах Императорского православного палестинского общества (ИППО).

Обращение к этому вопросу представляется актуальным ввиду того, что единого подхода к организации христианского православного образования на Ближнем Востоке не было, а взгляды заинтересованных лиц могли существенно меняться в зависимости от исторического момента.

Первые со стороны России шаги по организации просвещения арабов-христиан начинаются во второй четверти XIX в. с деятельности А.Н. Муравьева (1806–1874), К.Н. Базили (1809–1884) и архимандрита Порфирия (Успенского) (1804–1885). С разницей в несколько лет (в 1841 и 1848 гг.) они предложили конкретные планы по созданию Русской духовной миссии в Иерусалиме и организации просвещения местного христианского населения на территории, находящейся под влиянием Иерусалимского патриархата. По согласованию между Святейшим Синодом и патриархом Иерусалимским было принято решение об открытии учебных заведений в Иерусалиме, Яффе, Акре, Назарете, Вифлееме, Лидде, Раме и Газе [Смирнова, 2005].

Унификации учебных программ не было. В учебном заведении в Иерусалиме, названном Академией, предполагалось преподавать богословие, греческую словесность, церковную и политическую историю, философию арабскую и турецкую словесность, восточную историю, латинскую словесность, географию, арифметику и практическую медицину. В Назарете, Вифлееме и Раме предполагалось ограничиться преподаванием религии, арабского и греческого языков [там же. С. 48–50].

Денежные средства на воплощение решения были найдены (кружечный сбор). Конкретной информации о деятельности данных учебных заведений крайне мало. Из переписки К.Н. Базили и А.Н. Муравьева видно, что деньги на нужды этих учебных заведений переводились какое-то время [там же. С. 49–60].

Деятельность второго из них оказалась более результативной. Заслугой именно архимандрита Порфирия (Успенского) является

основание Русской духовной миссии в Иерусалиме. Ему же принадлежат и первые систематические шаги по просвещению христианского населения Палестины и Сирии [Грушевой, 2020а; Лисовой, 2005].

Именно архимандритом Порфирием (Успенским) было основано в 1848 г. в Иерусалиме училище, куда принимали детей арабов-христиан [Россия в Святой Земле, 2015. С. 554–555; 2017. С. 433–438]. Всеподданнейший доклад А.М. Горчакова от 23 марта 1857 г. подтверждает существование училища через десять лет после основания [Россия в Святой Земле., 2017. С. 109–113].

Для Порфирия Успенского просвещение арабов-христиан было задачей помощи единоверцам в укреплении истинной веры. Специальное преподавание общеобразовательных дисциплин не предусматривалось. В программе было преподавание арабского и греческого, чтения, письма, Закона Божьего, арифметики и церковного пения.

В дальнейшем, со времени начала правления Александра II, на первый план ближневосточной политики Российской империи выдвинулись вопросы организации паломничеств в Святую Землю из России, хотя важность православного просвещения ради укрепления основ истинной веры в среде арабов-христиан забыта не была.

А.М. Горчаков, канцлер и министр иностранных дел, в инструкции на имя главы Русской духовной миссии архимандрита Кирилла (Наумова) писал в 1858 г. о том, что открытие училища на базе Русской Духовной миссии — идея прекрасная, но финансовые возможности ведомства значительно отстают от его потребностей. Поэтому новому главе Русской духовной миссии рекомендовано было определиться на месте с приоритетами и тратить доступные денежные средства с возможностями. От прямого разрешения или запрета организации училища на базе Русской духовной миссии в Иерусалиме А.М. Горчаков уклонился. В итоге при архимандрите Кирилле (Наумове) училище открыто не было [там же. С. 139–141].

Не был по-настоящему реализован и инициированный Святейшим Синодом проект создания школы при Русской духовной миссии. В указе Св. Синода, опубликованном 23 марта 1864 г. и адресованном архимандриту Леониду, главе РДМ [там же. С. 213–215], предписывалось выяснить, можно ли при Миссии открыть училище для детей местного бедного, угнетаемого населения, училище, в котором детей можно было бы учить бесплатно. Архимандриту Леониду рекомендовалось в этой связи отправить обер-прокурору Св. Синода отчёт с ответом на следующие вопросы — можно ли открыть при Миссии такое училище,

на каких началах, в каких размерах на него могли бы потребоваться издержки.

Летом того же года требуемый документ был представлен, как свидетельствуют документы, частично опубликованные А.А. Дмитриевским [Дмитриевский, 2014. С. 231–235]. В качестве педагогов для школы были отобраны два человека, так или иначе связанные с Миссией. Вопрос финансового обеспечения деятельности школы должен был, по мысли архимандрита Леонида, быть решён легко. На деятельность тех, кого архимандрит Леонид планировал сделать преподавателями училища, были выделены бюджетные средства. Программа школы не должна была выходить за рамки обычной начальной школы.

В Петербурге этот проект одобрен не был, а расходы на содержание школы были расценены как значительные. В Синоде было принято решение вернуться к этому проекту в будущем, в более благоприятные времена. В Синоде отметили также существование в Иерусалиме греческой православной школы, по поводу которой всё же было принято решение финансово поддержать её. Предполагалось перечислять школе часть средств, остающихся от содержания профессора, прикомандированного к Миссии.

Видимо, неудачи проекта архимандрита Леонида (Кавелина) следует связывать со специфическими сложными взаимоотношениями вокруг Миссии между всеми заинтересованными сторонами. У архимандрита Леонида (Кавелина) были напряженные взаимоотношения с патриархом Иерусалимским Кириллом, и с русскими представителями на Ближнем Востоке [Смирнова, 2005].

Имеющийся материал позволяет сказать, что одной из важнейших предпосылок образования Палестинского общества в 1882 г. стала очевидная невозможность организовать православное обучение местного населения на базе либо школ Иерусалимского патриархата. Греческое православное духовенство не было готово этому содействовать ввиду скрытого давнего конфликта между греками и православными арабами [Россия в Святой Земле..., 2017. С. 99].

Нереальность организации училища при Русской духовной миссии в Иерусалиме объяснялась также ожесточёнными спорами о статусе Русской духовной миссии в Иерусалиме среди всех причастных к внешнеполитической деятельности России на Ближнем Востоке [Вах, 2017а. С. 459–532].

Только создание своей инфраструктуры в Палестине (монастыри, и странноприимные дома, подворья и школы) позволило по-настоящему приступить к решению проблемы православного образования для местного христианского населения [Вах, 2017b].

2.

С первых дней школьная деятельность ИППО курировалась отделением Общества, называвшимся Отделением поддержания православия в Святой Земле. Остающийся нам неизвестным автор отчёта об общем собрании Палестинского общества 8 апреля 1901 г., писал вполне определённо:

«Переходя затем к отделению поддержания православия, вся деятельность общества в этом отношении исключительно была направлена к тому, чтобы удержать в православных учреждениях наибольшее количество православных детей, не дать им в раннем возрасте впитать в себя отраву инославных учений и чтоб возмужав они сознательно могли сказать: мы учились в православной школе, нас не принуждали креститься латинским крестом» [Отчёт об общем собрании Палестинского общества 8 апреля 1901 года. С. 17].

Общее направление деятельности в регионе для представителей Палестинского общества было очевидным, Речь шла об организации православного в своей основе просвещения, а также целесообразно организованной христианской благотворительности всем нуждающимся [Грушевой, 2016. С. 87–88].

К периоду активной деятельности школ Палестинского Общества в Сирии и Палестине (1882–1914) относится серия высказываний о возможной реорганизации православного образования, а также множество документов о деятельности различных типов школ. Разнообразие мнений свидетельствует об отсутствии единства подхода к перспективам развития православных школ в Палестине и Сирии, что во многом определялось различием условий деятельности школ Палестинского общества в Сирии и Палестине.

Как уже отмечалось выше, отношение к русским школам в Палестине было сдержанным из-за позиции духовенства Иерусалимского патриархата. Ситуация же в Сирии, в зоне влияния Антиохийского патриархата, оказалась иной. Действия по массовому открытию русских школ в Сирии были успешными благодаря совместным действиям русских дипломатов и сотрудников Императорского Православного Палестинского Общества [там же. С. 54–55].

Первые высказывания о практическом воплощении принципов обучения и корректировке учебных программ в школах ИППО принадлежат В.Н. Хитрово. Они встречаются в некоторых письмах и докладах Василия Николаевича. Этих высказываний немного, так как В.Н. Хитрово в своих многочисленных работах и письмах писал о более общих проблемах православия в Святой Земле.

В.Н. Хитрово был убежден в том, что православные школы, основанные Иерусалимским патриархатом, совершенно не соответствовали своим задачам ввиду отсутствия в них какого-либо рационального обучения.

Причины такого отношения В.Н. Хитрово хорошо объяснены в письме В.Н. Хитрово к П. Победоносцеву от 15 апреля 1890 г. [К.П. Победоносцев и Русская Духовная миссия в Иерусалиме., 2017. С. 369–376].

В.Н. Хитрово пишет о школах, находящихся на территории, подведомственные Иерусалимскому патриархату, сопоставляя при этом школы, основанные патриархом и зарождающиеся школы Палестинского общества. В.Н. Хитрово против выделения денег на нужды школ патриархии, так как у них нет ни персонала, ни мысли о том, как такой персонал готовить. Для школ патриархии характерно отсутствие единых требований к обучению и инспекторов, способных контролировать процесс обучения на местах.

Судя по всему, важнейшим недостатком патриарших школ в глазах В.Н. Хитрово было отсутствие единообразного подхода к принципам обучения и программам в разных патриарших школах. Для школ Общества было характерно как раз унификация обучения и программ учебных заведений. В итоге — по словам В.Н. Хитрово — патриархия только на словах думает об организации школ для местных арабов-христиан. По сути же патриархия хотела бы прежде всего тратить на нужды школ как можно меньше денег.

При этом отношении В.Н. Хитрово к зарождающимся школам ИППО достаточно критическое. Он писал о том, что на момент написания письма (1890 г.) у Общества нет подготовленного персонала для работы педагогами школ. По словам В.Н. Хитрово, процесс их подготовки идёт, но медленно, так как начинать приходится с нуля. Уровень же понимания, как организовывать подготовку необходимых кадров одинаково низкий и у патриархии, и у российских представителей.

Что же касается собственно школ, то в письме к архимандриту Антонину (май 1882 г.) В.Н. Хитрово писал о желательности образования

учительских советов для руководства школами конкретного региона [Россия в Святой Земле., 2020. С. 110]. В том же письме В.Н. Хитрово писал о желательности открытия в Палестине ремесленных школ для поддержания традиций местного ремесла [там же. С. 111].

В докладе Обществу 1884 г. В.Н. Хитрово заявлял о необходимости открытия в Назарете пансиона для подготовки учителей для сельских школ. Он считал также желательным открыть в Назарете женскую школу, если найдется подходящая учительница [там же. С. 579]. Это пожелание В.Н. Хитрово было реализовано — женская школа в Назарете была вскоре после этого основана.

Важное суждение по поводу реорганизации деятельности школ Общества содержится в письме В.Н. Хитрово к архимандриту Антонину (Капустину), написанное в мае 1882 г. о том, что он выступает против любого национализма вообще и направленного против Иерусалимского патриархата в частности [там же. Документ № 12]. В духе времени в том же документе В.Н. Хитрово не говорит прямо, что именно он имеет в виду и о каком национализме пишет. Для всех людей, причастных к деятельности Палестинского Общества было характерно стремление «уходить» от обсуждения любых политически значимых проблем и не высказываться о них. Всё же понятно, что В.Н. Хитрово имел в виду патриотические настроения в арабской среде, возникновение которых вызывало опасение.

Особо хотелось бы отметить, что часть пожеланий В.Н. Хитрово была полностью реализована между 1885 и 1889 гг. Основанный в Назарете, в 1886 г. мужской пансион в начале XX в., после его смерти в 1903 г., получил наименование учительской гимназии им. В.Н. Хитрово. Если же говорить в целом, то взгляды В.Н. Хитрово по организации процесса обучения в школах оставались хорошо продуманными советами общего плана.

3.

Определенное количество более конкретных планов по организации православного образования арабов христиан принадлежит А.А. Дмитриевскому, являвшемуся в 1907–1917 гг. Секретарем Совета ИППО. На пути в Сирию, для проведения инспекции всех институтов Общества, во время остановки в Константинополе, он обсуждал в Константинополе с послом Российской империи Н.В. Чарыковым вопрос о будущем школ и направленности обучения в них. Рассказ об этой беседе сохранился в одном из писем А.А. Дмитриевского,

адресованных вице-президенту Палестинского общества, князю А.А. Ширинскому-Шихматову.

А.А. Дмитриевский сообщал в письме о согласии посла Н.В. Чарыкова с идеей, высказанной ранее вице-президентом Общества об организации в Сирии максимум двух богословско-профессиональных школ [РНБ ОР. Ф. 253. Д. 31. Л. 3–3об]. Контекст письма показывает, что А.А. Дмитриевский обсуждал ранее вопрос о направленности образования в школах Общества с А.А. Ширинским-Шихматовым, вице-президентом ИППО.

В чисто практическом плане вопрос заключался в необходимости принятия решения об организации в Сирии среднего специального учебного заведения для арабов-христиан в тех условиях, когда для них в регионе было 96 начальных школ, две семинарии по подготовке педагогов (одна в Назарете, другая в Бейт-Джале) и расположенные в тех же городах две образцовые школы с программами близкими к учительским семинариям.

И А.А. Дмитриевский, и посол, Н.В. Чарыков с учетом мнения А.А. Ширинского-Шихматова, пришли к выводу, что этого вполне достаточно, так как российским представителям следует прежде всего думать об образовании священнослужителей высшего и низшего рангов. Что же касается светского обучения, то его следовало оставить только для тех, кто не способен к духовному званию или не испытывает желания становиться духовным лицом.

Из этого же письма А.А. Ширинскому-Шихматову видно, что посол А.А. Дмитриевский в этом письме затрагивает ещё одного аспекта образования арабов-христиан, предусмотренного российскими представителями [там же. Л. 3об]. Наиболее способных молодых людей отправляли в Россию для получения высшего образования в Духовных академиях [Крымский, 1971. С. 311–314].

Такова была теория, реализовать которую на практике было достаточно сложно ввиду того, что само положение христианского арабского населения в условиях Палестины и Сирии могло быть очень различным.

Через полтора месяца, в конце февраля 1910 г., А.А. Дмитриевский во время совещания в Дамаске группы лиц, непосредственно связанных с деятельностью школ, высказался за закрытие школ ИППО в Сирии из соображений экономии [Грушевой, 2021a]. Данное предложение поддержки не получило и в дальнейшем А.А. Дмитриевский более не возвращался к этой идее.

Наконец, осенью того же 1910 г. А.А. Дмитриевский, в итогом отчете о своей инспекционной поездке по Палестине и Сирии, писал о значении школ ИППО в жизни местного христианского населения и успешности их деятельности [Дмитриевский, 2014. С. 345].

Вероятнее всего, столь значительная смена позиций в ходе инспекционной поездки объясняется первыми словами Отчета о ревизии учебных заведений. А.А. Дмитриевский, по его собственным словам, отправляясь в инспекционную поездку, не знал Сирии. Столкновение же с реалиями сирийской жизни и активной заинтересованностью местного населения в качественном образовании, судя по всему, и заставило А.А. Дмитриевского скорректировать свои взгляды — признать важность и полезность школ Общества и для местного христианского населения, и для Российской империи в целом [там же. С. 216–217].

4.

В последующие годы на этой основе началась выработка новой учебной программы для учительских семинарий Общества. В нашем распоряжении имеется достаточное количество документов, дающих возможность судить о внутренней жизни двух учебных заведений в Палестине, в которых православное образование было поставлено образцово (Назарет, Бейт-Джала)

Учебные заведения в Назарете и Бейт-Джале (пригород Иерусалима) хорошо освещены современниками, но лишь отчасти в — нынешней научной литературе. О семинарии в Назарете в разных вариантах писал Н.Н. Лисовой [2006, 2020], единственная недавно написанная специальная статья о семинарии в Бейт-Джале [Бутова, 2016], а новейшее исследование учебного процесса в Назаретской семинарии принадлежит Е.В. Смирновой [2021]. Сохранилось детальное описание учебного процесса в Назаретской семинарии для мальчиков [Россия в Святой Земле., 2020. С. 580–583], Назаретской мужской образцовой школы [С. 584] и Назаретской школы для девочек [С. 584–586]. Кроме того, упоминания о них содержатся также в Извольский, 1896, С. 5–89, 127–140, 227–228; Аничков, 1901, С. 265–382; 1910, С. 24–96. Назаретская образцовая мужская школа была своего рода подготовительными курсами перед поступлением в семинарию.

Источников информации об учебном процессе в Бейт-Джалльской семинарии для девочек также многочисленны, но они другого типа — это программы и расписания уроков. Обстоятельное описание учебного процесса в Бейт-Джалльской семинарии принадлежит П.П. Извольскому [1896] и Н.М. Аничкову [1901].

Обстоятельность рассказов в источниках о семинарии в Назарете позволяет представить все стороны жизни этого учебного заведения.

Семинария в Назарете не занимала отдельного здания, находясь в комплексе построек Назаретского подворья Палестинского общества. Среди преподавателей семинарии преобладали либо выпускники учебных заведений в России, либо местные жители, получившие образование в России. (А.Г. Кезма, начальник семинарии). Языковые предметы (арабский, турецкий языки, греческое пение), преподавались людьми названными в документе специалистами — араб, турок, греческий священник. Квалификация этих специалистов не уточнялась. С уверенностью можно говорить лишь о том, что в качестве преподавателей приглашали носителей соответствующих языков.

В Назаретской семинарии и занятия, и распорядок были построены по специальным правилам, в которых были четко определены обязанности воспитанников по отношению к преподавателям, товарищам и прислуге. Ученики Семинарии должны были быть воспитаны в любви к православной вере и уважении к установлениям Православной Церкви.

В программах обеих семинарий уделено было много места изучению Слова Божия, богослужебного устава, а также церковной истории. Евангелие и по форме, и по существу было настольной книгой семинаристов и в Назарете, и в Бейт-Джале. В процессе обучения молитвы читались и пелись на двух языках — на арабском и славянском. Все семинаристы принимали участие в богослужениях в храме Благовещения в Назарете. Они привлекались также во время всех церковных церемоний Благовещенского собора.

Распорядок дня в семинариях был четко организован — жизнь шла буквально по часам так что никто из обучающихся не оставался без внимания педагогов. Подъем утром был в шесть часов. День начинался и завершался молитвой. Уроки с перерывами на рекреации и на обед шли до 15.30. Затем предполагалась работа в саду или огороде. Вечером — приготовление уроков, ужин, отдых и молитва. Ученики в семинариях, в зависимости от возраста, должны были отправляться спать либо в 21.30, либо в 22.30.

Назаретская семинария заботилась не только о правильном образовании, но и самообразовании. В ней была библиотека книг на разных языках и по разным отраслям знаний. Было также предусмотрено совместное чтение какой-либо книги по рекомендации и под руководством воспитателя.

Для развития у семинаристов эстетического вкуса, в семинарии предусмотрено также и изучение музыки (теория музыки, игра на скрипке).

В некоторые дни занятия длились только в первую половину дня воспитанникам организовывали прогулки и целенаправленные экскурсии для просвещения семинаристов в истории и археологии Палестины. Так бывали и паломнические экспедиции семинаристов вплоть до Иерусалима или Тивериады.

Старших воспитанников привлекали также в качестве дежурных в образцовой школе и фельдшеру в амбулатории.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что деятельность обеих семинарий была успешной в том, что в этих учебных заведениях, в их хорошо продуманной системе обучения были воспитаны первые профессионально подготовленные педагоги среди арабов. Среди русских школ на Ближнем Востоке особое место занимали школы М.А. Черкасовой, находившиеся в Бейруте¹.

Первая школа М.А. Черкасовой была основана в 1887 г. В начале XX в. таких школ было шесть, из которых пять были школами для девочек, одна — для мальчиков. В шести школах начальное образование получали в общей сложности 1200 детей.

Вследствие независимости характера, М.А. Черкасова организовывала учебный процесс в школах по собственному разумению и программы обучения в этих школах было невозможно согласовать с программами школ Палестинского общества, которые можно лишь безоговорочно принимать. М.А. Черкасова считала самым важным правильное обучение морали, нравственности и основам православной веры именно по стандартам православия.

Общеобразовательные предметы в школах М.А. Черкасовой были оттеснены на второй план ради большего количества часов на Закон Божий и все богословские предметы, адаптированные самой М.А. Черкасовой для восприятия детьми. Преподавание всех предметов морально-нравственного характера было безупречным и полностью отвечало российским представлениям о православии и православном образовании.

¹ Специальное исследование о школах М.А. Черкасовой изложено в [Лисовой, 2013. С. 430–463]. Он лишь излагает факты и никак не высказывается по поводу определённого невнимания в её школах к общеобразовательным дисциплинам. О школах М.А. Черкасовой см. также [Дмитриевский, 2014b. С. 299–308]. У него весьма критическая оценка учебного процесса в школах М.А. Черкасовой. Основная претензия у А.А. Дмитриевского заключалась в изобилии внешнего, показного всего того, что было с учебным процессом связано со школами М.А. Черкасовой.

В отчётах инспекторов школы М.А. Черкасовой в отчётах хвалили, но вынужденно отмечали слабость общеобразовательных дисциплин. Н.В. Кохманский, всегда отличавшейся трезвостью оценки описываемых им явлений, при характеристике школ М.А. Черкасовой, добавляет, что школы её держатся только благодаря её авторитету и только до тех пор, пока она жива [АВ ИВР РАН. Ф. 120. Д. 178. Л. 7]. Эта оценка оказалась правильной. После смерти М.А. Черкасовой основанные ею школы утратили своё значение.

5.

Абсолютное большинство школ как Палестинского общества, так и приходских школ обоих патриархатов, существенно отличались и по уровню образования в целом, и по организации обучения по сравнению с учительскими семинариями Общества в Назарете и Бейт-Джале.

В нашем распоряжении немного конкретной информации, позволяющей судить об этих школах. Это прежде всего подробный рассказ Н.В. Кохманского об инспекции школы в селении Талия, стремящейся перейти под покровительство ИППО. Рассказ о посещении российскими инспекторами школы в поселении Талия встречается и в отчете Н.В. Кохманского [там же. Л. 38об–40об], и в отчёте А.А. Дмитриевского [2014b. С. 332–333].

По рассказу Н.В. Кохманского, Талия — большое поселение (1500 жителей) с преобладанием христианского населения находится в часе езды от Баальбека и по многим внешним признакам является зажиточным поселением, что видно даже по архитектуре. В Талии сперва не было школы Палестинского общества, но местные жители встретили российских инспекторов весьма радушно, ибо они были убеждены в превосходстве православия над другими христианскими конфессиями и хотели передать свою школу под покровительство Палестинского общества.

Местные жители особо подчёркивали собственную стойкость в православии и то, что протестантская пропаганда совершенно напрасно работала в селе долгие года, а когда местные священнослужители открыли православную школу, протестанты ушли из Талии, признав своё поражение.

С тем большим интересом русские инспекторы решили посетить школу в Талии, основанную местными священнослужителями, устоявшими, по их пониманию, от протестантской пропаганды. Впечатление от школы оказалось неожиданным. На общем фоне

зажиточного селения школа оказалась находящейся в темном строении, своего рода сарае, в котором находилось 50 детей под руководством одного учителя, являющегося по своему убеждению, православным, но окончившим протестантское училище. А.А. Дмитриевский пишет, что школа вызывает откровенную жалость на фоне богатого села, населённого состоятельными обывателями, которые могли бы оказать школе больше «материального сочувствия» [там же. С. 332].

В этой школе всё обучение шло по протестантским учебникам и протестантским схемам. Успехи учеников по всем предметам были средними. Ученики не знали многих элементарных особенностей грамматики родного языка. Н.В. Кохманский утверждает, что в этом и заключается основная печальная особенность инославных народных школ, имея, видимо, в виду, что только православные могут организовать обучение на должном уровне и по всем предметам.

Описывая обучение Закону Божьему, Н.В. Кохманский отмечает, что обучение идёт механически и ограничивается в основном заучиванием наизусть текстов псалмов и евангелий, однако же детям не рассказывают о священном предании — сумме сведений, не содержащихся непосредственно в Ветхом Завете, или Новом Завете. Н.В. Кохманский отмечает также, что дети ничего не знают о значимом для православия празднике Воздвижения Креста Господня.

Весь этот материал позволяет Н.В. Кохманскому сделать следующий вывод. Формально ушедшие из села протестанты, фактически остались в нём и дальше, ибо всё преподавание, в том числе Закон Божий, идет в школе исключительно по протестантским схемам, которые вольно или невольно принёс с собой новый педагог этой школы. Выражается это в том, что преподаватель наставляет детей здесь в совершенно протестантском духе, по руководствам американского издания, в котором говорится о священном писании, как источнике вероучения, но умалчивается о значении священного предания, о Воздвижении Креста Господня дети ничего не слышали, так как этот праздник протестантами не признаётся.

Н.В. Кохманский отмечает также: стремление учить молитвы исключительно по Часослову; поверхностное знакомство с событиями Ветхого и Нового Завета, основанное к тому же на непосредственном чтении Ветхого Завета и Нового Завета. Эти тексты без адаптации трудны для детского восприятия. В результате дети не могут дать ни одного толкового ответа на отвлечённые вопросы из библейской истории.

Н.В. Кохманский завершает описание инспекции школы в Талии выводом о том, что процесс обучения в школе Талии был и оставался протестантским, хотя и жители, и педагог были убеждены в твёрдости собственного православия. Эта необычная ситуация объяснялась обучением педагога школы в учебном заведении протестантов и совмещением в его голове догматов обеих конфессий.

Иными словами, самоощущение арабами-христианами собственного православия и представления российских инспекторов о том, что такое православие и православная вера очень сильно различались между собой [Хитрово, 2011. С. 128].

Рассказ о Талии важен и ещё в одном отношении. Судя по рассказу Н.В. Кохманского, русские инспектора, после того как вынесли свой вердикт о протестантском характере обучения в школе, воспринимаемой всеми как православная, отправились по своему маршруту дальше, не предложив никаких вариантов для исправления ситуации, кроме расплывчатого обещания взять в будущем школу в Талии под свою опеку. Это тем более удивительно, что — по словам А.А. Дмитриевского — финансовую поддержку школе в Талии оказывал Синод [Дмитриевский, 2014б. С. 332; АВ ИВР РАН Ф. 120. Д. 178. Л. 38об.–39].

Иными словами, у инспекторов Палестинского общества не было возможности исправить представление взрослых людей о своей вере. Единственной надеждой исправить положение и приблизить понимание у местных жителей к сути православия заключалось в систематической работе с подрастающим поколением и именно поэтому в школьных программах особое внимание всегда уделялось Закону Божьему и всему комплексу духовных дисциплин.

6.

Итогом развития представлений о развитии православного образования на Ближнем Востоке стал проект программ для семинарий в Назарете и Бейт-Джале, подготовленный в середине 1914 г. [Грушевой, 2018]. В результате при обсуждении новых программ, которые собирались внедрить с осени 1914 г. в учительских семинариях Общества в Назарете и Бейт-Джале, в рамках специального Совещания всех заинтересованных сторон было принято решение о внедрении в учебную программу не только Закона Божия, как и во всех остальных учебных заведениях Российской империи, но и курса апологетического богословия со следующим обоснованием:

«В настоящее время в местной интеллигенции и средних классах получили значительное развитие отрицательные мнения о христианских догматах и правилах жизни и теперь православию приходится бороться не столько с инославными христианскими миссионерами, сколько с масонами и неверующими людьми, одинаково враждебными всем христианским исповеданиям Совецание признает; желательным введение апологетического богословия. Вовсе не задаваясь специальными миссионерскими целями агрессивного характера, требующими специальной подготовки, богословской учености, или, по крайней мере, начитанности, Совецание полагает, что теперь народный учитель должен быть лучше, чем прежде, вооружен против неверующих врагов христианства, не оставляющих в покое ни его самого, ни его учеников, ни родителей их, — и не столько для активной борьбы с этими врагами, сколько для развития в себе самом и учащихся сознательного отношения к вопросам веры и нравственности, твердости и ясности убеждений и для защиты себя и вверенных ему детей от соблазнительных внушений религиозных скептиков или неверующих людей. Конечно, апологетика христианства невозможна без критики его. Но лучше, если будущий народный учитель пройдет эту школу сомнений и критического отношения к догматам веры и правилам морали под руководством опытного и верующего наставника в семинарии, чем по выходе из семинарии под руководством случайных людей с отрицательным образом мыслей; человека, идущего в среду врагов и обязанного защищать себя и других, нельзя лишать оружия только из опасения, как бы он, по неосторожности, не ранил этим оружием самого себя или не потерял его в борьбе с лучше вооруженным врагом» [АВ ИВР РАН Ф. 120. Д. 3 Д. 2. Л. 64а–64а об].

Тем не менее, комиссия, обобщавшая материалы Совецания в Назарете по программам, приняла иное решение. Члены Комиссии приняли решение отказаться от внедрения этого курса и ограничиться преподаванием Закона Божия на арабском и расширенным изучением катехизиса. Члены Комиссии исходили из того, что даже в рамках Совецания в Назарете была отмечена неподготовленность учеников, особенно девочек, к такому предмету. На арабском языке в то время не было доступной детям учебной литературы. Кроме того, ученики были слабо знакомы с богословско-философской литературой и различиями

во взглядах между различными христианскими конфессиями и соответствующей терминологией.

Комиссия отметила также и перегруженность учебной программы иными, общеобразовательными предметами, от которых отказываться не представлялось возможным ввиду особой заинтересованности местного христианского населения в современном образовании.

В итоге православный фактор, несмотря на его особую роль в жизни Российской и империи, занял в школьных программах Палестинского общества более скромную роль, чем планировалось первоначально. Реорганизация учебных программ и процесса обучения основам православия в школах Палестинского общества в том виде, в каком хотелось было признано неосуществимой по целому ряду причин. В школах ИППО не было соответствующей учебной литературы. Кроме того, ученики не были готовы воспринимать философские рассуждения на должном для освоения такого предмета на должном уровне. А.А. Дмитриевский в своём отчёте приводит множество примеров поверхностного усвоения Закона Божьего и священной истории учениками школ [Дмитриевский, 2014b. С. 281–284].

В конечном счёте для программ в школах был выбран компромисс — расширенное изучение катехизиса и обучение Закону Божьему на арабском. Русские представители не могли не учитывать запросы местного населения, заинтересованного прежде всего в общеобразовательных предметах.

В дальнейшем, уже во время первой мировой войны, А.А. Дмитриевский в одном из своих выступлений следующим образом сформулировал то новое, что должны были внести разработанные к середине июня 1914 г. программы в работу семинарии [там же. С. 388–389]: 1) Преобразование 3-х классов курсов учительских семинарий в шестиклассные; 2) введение новых предметов (теория русской словесности, английский или французский язык по желанию учащихся, природоведение, физика, алгебра, усиление преподавания Закона Божия, русского языка, географии и истории с обращением особого внимания на Россию; 3) сокращение на 10 минут времени продолжительности урока; 4) отмена рождественских и пасхальных каникул и удлинение летних; 4) разработка нового положения о семинариях и внедрение должности помощника начальника.

В итоге, из многочисленных планов Палестинского общества по преобразованию школьных программ почти ничего не удалось

реализовать, так как, в связи с началом первой мировой войны новые программы обучения в школе не были внедрены в жизнь.

Сохранившиеся документы представляются интересным памятником педагогической мысли и являются среди прочего ценным источником по истории культуры и культурного взаимодействия на Ближнем Востоке на рубеже XIX–XX вв.

Литература

Аничков Н.М. Учебные и врачебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества. Отчёт члена Совета Общества Н.М. Аничкова. Часть 1. СПб., 1901.

Аничков Н.М. Учебные и врачебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества. Часть 2. СПб., 1910.

Бутова Р.Б. Школа Е.Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Св. Земле // Режим доступа: <https://www.ippro.ru/historyippo/article/shkola-ef-bodrovoy-k-150-letiyu-russkogo-uchebnogo-200368> (дата обращения: 01.12.2021).

Вах К.Н. (а) Борьба за Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме: эпоха архимандрита Антонина (Капустина) 1865–1894 гг. // К.П. Победоносцева и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. М., 2017.

Вах К.Н. (б) Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Доргобужина. 1858–1860 гг. // Иерусалимский православный семинар. 2017. № 7. С. 111–255.

Грушевой А.Г. (а) «Увращение» Иерусалимской церкви в мыслях и действиях Порфирия Успенского // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1. (25). С. 75–85.

Грушевой А.Г. (а) Арабы-христиане Палестины и Сирии в изображении должностных лиц Императорского Православного Палестинского общества рубежа XIX–XX вв. // Письменные памятники Востока. 2016. № 1 (24). С. 64–77.

Грушевой А.Г. (а) Дамасский протокол и его значение в истории школ Императорского Православного Палестинского Общества // Восточный архив. 2021. № 1 (43). С. 38–50.

Грушевой А.Г. (б) Из истории русских школ на Ближнем Востоке. СПб., 2016.

Грушевой А.Г. (б) Императорское Православное Палестинское общество в восприятии современников (Б.Н. Шаховской) // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. № 1. С. 34–54.

Грушевой А.Г. (b) Планы развития образования в русских школах на Ближнем Востоке перед Первой мировой войной // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 4. С. 37–56.

Грушевой А.Г. (c) Просвещение арабов-христиан как важный фактор во внешней политике России на Ближнем Востоке (вторая половина XIX в.) // Вестник Екатеринбургской Духовной Семинарии. 2020. № 3 (31). С. 247–265.

Грушевой А.Г. Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского Православного Палестинского Общества // Вестник Екатеринбургской Духовной Семинарии. 2018. № 2 (22). С. 258–331.

Дмитриевский А.А. (a) Общее годовое собрание Императорского Православного Палестинского Общества 1 мая 1916 г. // Дмитриевский А.А. Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. М., СПб., 2014. С. 377–394.

Дмитриевский А.А. (b) Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. М., СПб., 2014.

Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. СПб., 2008.

Дмитриевский А.А. Очерк о жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина) третьего начальника Миссии в Иерусалиме и его научные труды по изучению православного Востока // Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Составитель и автор предисловия Н.Н. Лисовой. М., СПб., 2009. С. 172–392.

Дмитриевский А.А. Современное русское паломничество в Св. Землю // Дмитриевский А.А. Деятели русской Палестины. Составитель и автор предисловия Н.Н. Лисовой. М. СПб., 2010. С. 123–168.

Извольский П.П. Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества в апреле и мае 1893 года. Отчет о командировке. СПб., 1896.

К.П. Победоносцев и Русская Духовная миссия в Иерусалиме в царствование Александра III. К 170-летию основания. М., 2017.

Крымский А.Е. История новой арабской литературы. XIX — начало XX века. М., 1971.

Лисовой Н.Н. М.А. Черкасова и школы Императорского Православного Палестинского общества // Всмотриваясь друг в друга. Россия и арабский мир: взаимное восприятие. М., 2013. С. 430–463.

Лисовой Н.Н. Палестинское общество: национальный проект // Россия в Святой Земле. Документы и материалы в трех томах. Издание подготовил Н.Н. Лисовой. Т. 3. Ч. 1. М., 2020.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.

Лисовой Н.Н. Феномен А.Н. Муравьева в русско-иерусалимских отношениях первой половины XIX вв. // Православный палестинский сборник. 2005. № 103. С. 4–20.

Отчёт об общем собрании Палестинского общества 8 апреля 1901 года. СИППО. 1902. Т. 12.

Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 253 Д. 31. Л. 3–3об. (Письмо № 1 от 30 декабря 1909 г.; Письмо № 4 от 15 февраля 1910 г.).

Россия в Святой Земле Документы и материалы. Т.1. М., 2015

Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т.2. М., 2017.

Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т.3. М., 2020.

Смирнова Е.В. Русско-арабская коммуникация и учебный процесс в Назаретской семинарии ИППО // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. № 1. С. 5–33.

Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток. Из истории межцерковных связей. М., 2014.

Смирнова И.Ю. Переписка Константина Михайловича Базили и Андрея Николаевича Муравьева (1839–1852) // Православный палестинский сборник. 2005. № 103. С. 42–101.

Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 1. Православие в Святой Земле. Составление, подготовка текста, вступительная статья Н.Н. Лисового. М., СПб. 2011. С. 126–246.

References

Anichkov N.M. Educational and medical institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society. Report of a member of the Council of the Society N.M. Anichkov. Part 1. St. Petersburg, 1901.

Anichkov N.M. Educational and medical institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society. Part 2. St. Petersburg, 1910.

Butova R.B. The Schools of E.F. Bodrova. Hundred fifty years of Russian schools activities in the Holy Land. URL: <https://www.ippo.ru/historyippo/article/shkola-ef-bodrovoy-k-150-letiyu-russkogo-uchebnogo-200368> (data of access 01.12.2021).

Dmitrievsky A.A. (a) General annual meeting of the Imperial Orthodox Palestine Society on May 1, 1916. Dmitrievsky A.A. Palestinian society and Russian schools in the East.

Articles, essays, reports. Compilation, introductory article and scientific edition by N.N. Fox. Moscow, St. Petersburg, 2014, pp. 377–394.

Dmitrievsky A.A. (b) Palestinian society and Russian schools in the East. Articles, essays, reports. Compilation, introductory article and scientific edition by N.N. Fox. M., St. Petersburg, 2014.

Dmitrievsky A.A. Essay on the life and work of Archimandrite Leonid (Kavelin), the third head of the Mission in Jerusalem and his scientific works on the study of the Orthodox East. Dmitrievsky A.A. Russian Spiritual Mission in Jerusalem. Compiled and authored by N.N. Fox. Moscow, St. Petersburg, 2009, pp. 172–392.

Dmitrievsky A.A. Modern Russian pilgrimage to the Holy Land. Dmitrievsky A.A. Figures of Russian Palestine. Compiled and authored by N.N. Fox. Moscow, St. Petersburg, 2010, pp. 123–168.

Dmitrievsky A.A. The Imperial Orthodox Palestine Society and its Activities in the Past Quarter of a Century 1882–1907. St. Petersburg, 2008.

Grushevoy A.G. (a) «Healing» of the Jerusalem Church in the thoughts and actions of Porfiry Uspensky. Petersburg Historical Journal, 2020, no. 1 (25), pp. 75–85.

Grushevoy A.G. (a) Christian Arabs of Palestine and Syria depicted by officials of the Imperial Orthodox Palestine Society at the turn of the 19th–20th centuries. Written monuments of the East, 2016, no. 1 (24), pp. 64–77.

Grushevoy A.G. (a) The Damascus protocol and its significance in the history of the schools of the Imperial Orthodox Palestine Society. Oriental Archive, 2021, no. 1 (43), pp. 38–50.

Grushevoy A.G. (b) From the history of Russian schools in the Middle East. St. Petersburg, 2016.

Grushevoy A.G. (b) Plans for the development of education in Russian schools in the Middle East before World War I. Christianity in the Middle East, 2020, no. 4, pp. 37–56.

Grushevoy A.G. (b) The Imperial Orthodox Palestinian Society as Perceived by Contemporaries (B.N. Shakhovskoy). Christianity in the Middle East, 2021, no. 1, pp. 34–54.

Grushevoy A.G. (c) Enlightenment of Christian Arabs as an Important Factor in Russia's Foreign Policy in the Middle East (second half of the 19th century). Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary, 2020, no. 3 (31), pp. 247–265.

Grushevoy A.G. The latest curriculum of the teachers' seminaries of the Imperial Orthodox Palestinian Society. Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary, 2018, no. 2 (22), pp. 258–331.

Izvolsky P.P. Educational institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society in April and May 1893. Travel report. St. Petersburg, 1896.

K.P. Pobedonostsev and the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem in the reign of Alexander III. To the 170th anniversary of the founding. Moscow, 2017.

Khitrovo V.N. Orthodoxy in the Holy Land. Khitrovo V.N. Collected works and letters. T. 1. Orthodoxy in the Holy Land. Compilation, preparation of the text, introductory article by N.N. Fox. Moscow, St. Petersburg, 2011, pp. 126–246.

Krymsky A.E. History of new Arabic literature. 19th — early 20th century. Moscow, 1971.

Lisovoy N.N. M.A. Cherkasov and the schools of the Imperial Orthodox Palestinian Society. Looking at each other. Russia and the Arab world: mutual perception. Moscow, 2013, pp. 430–463.

Lisovoy N.N. Palestinian society: a national project. Russia in the Holy Land. Documents and materials in three volumes. The publication was prepared by N.N. Fox. T. 3. Part 1. Moscow, 2020.

Lisovoy N.N. Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th — early 20th centuries. Moscow, 2006.

Lisovoy N.N. The phenomenon of A.N. Muravyov in Russian-Jerusalem relations in the first half of the 19th century. Orthodox Palestinian collection, 2005, no. 103, pp. 4–20.

Report of the general meeting of the Palestine Society on April 8, 1901. SIPPO, 1902, vol. 12.

Russia in the Holy Land Documents and materials. T.1. Moscow, 2015

Russia in the Holy Land. Documents and materials. T.2. Moscow, 2017.

Russia in the Holy Land. Documents and materials. T.3. Moscow, 2020.

Russian National Library. Department of Manuscripts (RNL OR). F. 253 D. 31. L. 3–3v. (Letter No. 1 of December 30, 1909; Letter No. 4 of February 15, 1910).

Smirnova E.V. Russian-Arab communication and educational process in the Nazareth Seminary of the IOPS. Christianity in the Middle East, 2021, no. 1, pp. 5–33.

Smirnova I.Yu. Correspondence of Konstantin Mikhailovich Bazili and Andrey Nikolaevich Muravyov (1839–1852). Orthodox Palestine Collection, 2005, no. 103, pp. 42–101.

Smirnova I.Yu. Metropolitan Filaret and the Orthodox East. From the history of interchurch relations. Moscow, 2014.

Vakh K.N. (a) The struggle for the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem: the era of Archimandrite Antonin (Kapustin) 1865–1894. K.P. Pobedonostsev and the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem during the reign of Emperor Alexander III. Moscow, 2017.

Vakh K.N. (b) How Russian Palestine began. Jerusalem in the letters of B.P. Mansurov and V.I. Dorgobuzhinov. 1858–1860. Jerusalem Orthodox Seminar, 2017, no. 7, pp. 111–255.